

Мария
Орунья
Когда мы
были
непобедимы

роман

Перевод с испанского
Ольги Блиновой

phantom press

Москва

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)
О-70

MARÍA ORUÑA, DONDE FUIMOS INVENCIBLES

© 2018, Editorial Planeta, S. A.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии *Editorial Planeta S. A.*

Перевод с испанского *Ольги Блиновой*
Редакторы *Владислав Дитман, Игорь Алюков*

Оформление обложки и макет *Андрея Бондаренко*

Мария Орунья

О-70 Когда мы были непобедимы. Роман / Пер. с исп. О. Блиновой. — М.: Фантом Пресс, 2025. — 368 с.

Продолжение одного из самых успешных испаноязычных детективных циклов. В третьем романе лейтенанту Валентине Редондо и ее возлюбленному Оливеру придется расследовать крайне таинственное дело с призраками, поселившимися в ветшающем старинном дворце, что стоит в центре тихого приморского городка Суансес. Новый владелец, американский писатель Карлос Грин, решает какое-то время пожить в старом особняке, где он провел несколько счастливых месяцев своего детства и юности. В тишине чудесной оранжереи, расположенной в самом сердце дома, писатель намерен завершить работу над своим новым романом. Но его покой нарушает ужасное происшествие — на лужайке под одной из башен дворца обнаружено тело садовника. На первый взгляд все указывает на естественную смерть. Однако Карлосу Грину не по себе, ведь он уже не раз по ночам слышал странные звуки, в доме мелькали огни, и его не покидает чувство, будто за ним кто-то наблюдает — кто-то невидимый. То же потустороннее присутствие ощущает и домработница Грина, об этом же говорил и покойный садовник. Рационалистка до мозга костей Валентина не собирается принимать на веру рассказы о призраках, но в особняке явно творится что-то очень странное...

ISBN 978-5-86471-986-2

© Ольга Блинова, перевод, 2025
© Андрей Бондаренко, оформление, 2025
© “Фантом Пресс”, издание, 2025

Веронике, которая вернула мне любовь к чтению.
И тем, кто излучает столько света, что будет жить вечно.

I

Если бы мы умели наперед угадывать всю длинную череду событий,
которая последует за каждым незначительным поступком!*

Джон Грин, “В поисках Аляски”

* Перевод Ю. Фёдоровой. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Порой ясно ощущаешь, что не волен выбирать, сколько тебе отведено времени. Все вращается само собой, не спрашивая разрешения, и каждое действие тянет за собой бесконечную цепочку других. Словно ки-нешь в пруд гальку, и по воде расходятся круги, шире и шире, пока не достигнут берега. Действие, влекущее за собой последствие, — история стара как мир.

Карлос Грин, который в столь ранний час едва ли мог похвастаться ясностью мысли, лежал в кровати под балдахинном и думал, как же много галек он закинул не в те пруды, да еще и по многу раз. И вот теперь, когда он наконец-то твердо решил измениться, появилась эта женщина. Уж не сходит ли он с ума?

Карлос не спеша поднялся с постели и оглядел огромную сумрачную комнату. Его взгляд задержался на двери, а точнее — на щеколде. Все в порядке, опущена. Никто не мог войти ночью. Да и кому заходить, если он живет в этом огромном дворце один? Карлос зажег лампу на барочной прикроватной тумбочке и, нервничая, задрал футболку, чтобы осмотреть тело, — ничего. Затем проверил ноги — никаких новых синяков и следов от ушибов. Карлос выдохнул с облегчением: он был уверен, что по ночам кто-то — или что-то — его избивает. В этом громадном особняке постоянно что-то шумит, скрипит, свистит, а по ночам в углах шевелятся тени. Но как можно бить человека по ночам, не разбудив его? Карлосу не требовалось снотворное или релаксанты, чтобы заснуть, несмотря на периодические боли в правой ноге. Может, конечно, он стал лунатиком и по ночам бродит

по дому, натыкаясь на мебель, как слон в посудной лавке? Да нет, не может быть. Ему сорок один год, и он сроду не ходил во сне, это невозможно. Он в хорошей спортивной форме... Какого черта с ним происходит?

А тут еще она. Был ли это сон? Он и правда видел в оранжевое женщину или она ему привиделась? Одета в легкое бежевое платье до колен, по моде сороковых. Волосы средней длины уложены мягкими волнами, как носили в те годы. Редкая красавица. Карлос был готов поклясться, что и она его заметила и тоже очень удивилась. И вдруг исчезла.

Его мысли внезапно прервал истошный вопль. Кричали на улице. Карлос поспешно распахнул внутреннюю створку окна и глянул вниз. Его спальня находилась наверху, в башне, откуда в такое время открывался отличный обзор: светало, ночная мгла почти рассеялась. Посреди газона на спине лежал мужчина. Похоже, он был мертв. Рядом стояла женщина, зажимая рот ладонью. По пышным формам Карлос узнал свою домработницу, которая, очевидно, только что обнаружила на газоне мертвеца. В его саду. Он влез в брюки и бросился вниз.

Валентина Редондо садилась в brutальный “рендж-ровер” с открытым верхом. Слишком уж бросается в глаза эта машина, хорошо хоть черный цвет не привлекает внимание. Автомобиль конфисковали у наркоторговцев во время спецоперации, и суд передал его в пользование гражданской гвардии, где служила Валентина. Хотя в силу своего положения и звания лейтенант Редондо ходила в штатском, в ней легко было опознать представителя власти. Образцовая сотрудница, внимательная и дотошная, Валентина руководила отделом убийств Управления гражданской гвардии в Сантандере в Кантабрии.

Еще недавно Валентина ездила на старенькой “альфа ромео”, но младший лейтенант Сабадель умудрился попасть на ней в аварию и разбил — повезло, что обошлось без пострадавших.

Заводя “рендж-ровер”, чтобы ехать в Управление гражданской гвардии в районе Пеньякастильо в Сантандере, Валентина

в очередной раз про себя пожалела, что ей не выдали другой автомобиль. Она предпочла бы машину неприметнее. В окно Валентине было видно, как на крыльце бревенчатого бунгало ее жених Оливер Гордон безуспешно сражается с неопреновым костюмом. Она едва удержалась от смеха. Оливеру, как и Валентине, было уже изрядно за тридцать. В отличной физической форме, но такой неуклюжий, он тщетно пытался натянуть гидрокостюм, смешно подпрыгивая на одной ноге и тряся черной шевелюрой. Под ногами путалась Дюна, бигль-подросток, безжалостно трепавшая неопреновый носок. Англичанин начал заниматься сёрфингом пять недель назад, и сразу стало ясно, что этот вид спорта не для него. До сих пор его спортивные подвиги ограничивались бегом по утрам. В очередной раз падая с доски под присмотром тренера Хайме, Оливер пожимал плечами и пробовал снова и снова, не переставая хохотать над собственной бездарностью. Даже если постоянные неудачи его и огорчали, он принимал их со смирением. «Я ведь не с побережья, — объяснял он, — у нас в Лондоне волну не ловят». Первые уроки Оливер брал у самого опытного тренера в Суансесе, но однажды тот не выдержал и заявил, что никогда еще не видел настолько беспомощного ученика. Поэтому Оливера направили к другим тренерам, которые работали с начинающими и детьми.

— Что смотришь, мисс Совершенство? Ты вроде на работу собиралась, — смущенно засмеялся Оливер. В какой-то момент он обернулся и увидел, что Валентина наблюдает за его дикими плясками. Как вообще в двадцать первом веке может существовать это неопреновое орудие пыток? Но в Суансесе даже в августе без гидрокостюма не обойтись — море в Кантабрии холодное.

— Уже уезжаю. — Валентина послала ему воздушный поцелуй, но не успела нажать на газ, как зазвонил мобильный. Она выключила мотор: капитан Маркос Карусо, еще и в такую рань. Значит, плохо дело.

— Карусо? Доброе утро.

— Доброе, Редондо. Ты еще в Суансесе?

— Да, капитан, как раз выезжаю в Сантандер.

— Не надо никуда выезжать! Совсем совесть потеряли, мать их...

— Что случилось?

— У нас проблемы, Редондо. Опять. Неслабое такое происшествие в Суансесе, да еще и в спокойном августе!

— Скажите, как далеко от центра, и я немедленно...

— Как далеко? — перебил капитан. — Да если бы... Прямо в самом, мать его, центре города, в двух шагах от мэрии! Знаешь там у вас такой дворец... как его... дель-Амо?

— Кинта-дель-Амо*, наверное?

— Вроде он. Особняк двадцатых годов, прямо около центральной площади... Площадь Виарес, да? — По голосу Карусо Валентина поняла, что он включил громкую связь и читает информацию с экрана. — В общем, у нас труп. Прямо в этом гребаном дворце.

— Надо же, а я и не знала, что там кто-то живет.

— А там никто и не жил, пока из Калифорнии не явился наследник владельцев. То ли писатель, то ли журналист, поди разбери. Его домработница рано утром обнаружила в парке тело садовника. Некто Лео Диас Помбо... немолодой уже, на пенсию собирался.

— Убийство?

— Похоже, нет, Редондо, пока все указывает на ненасильственную смерть.

— Тогда зачем...

— Просто загляни туда. Может, все само рассосется, но проверить надо. Там есть пара странностей, и пресса нас со свету сживет, если что-то упустим. Ты не забывай, у нас в районе и так многовато преступлений в последнее время. — Карусо опять выругался и вздохнул. — Уж прости, Редондо, погорячился. Может, там и нет состава преступления, но в этом еще надо убедиться. Во-первых, они утверждают, что труп этого злосчастно-

* Кинта — дворец или особняк с небольшой территорией, часто расположенный в черте города или в пригороде и предназначенный для летнего отдыха.

го садовника никто не трогал, а судмедэксперт говорит, что это не так.

— Судмедэксперт? Кто, Клара Мухика?

— Она самая, твоя подружка. Глаза ему кто-то закрыл, говорит.

— Глаза закрыл? Это мог быть и не преступник...

— Мог. Но хозяин утверждает, что в доме творится какая-то чертовщина, звуки всякие, как будто кто-то еще там живет, ему что-то потустороннее мерещится... Нет, ну не бред ли?

— В смысле — потустороннее? Привидение, что ли?

— Да я откуда знаю, Редондо. Может, к нему просто сквоттеры заселились, а он и не заметил. Он же американец, вот и расчиховался небось. В общем, звонил судья Талавера, приказал разобраться и доложить.

— А судебная комиссия уже там?

— Вроде да, только секретаря ждут и не увозят тело. Я отправил туда двух криминалистов, и ты поезжай, проверь. В Суансесе сезон в разгаре, туристов тьма, я сам через неделю в отпуск ухожу, мне сейчас только проблем не хватало. Договорились?

— Договорились, сеньор капитан.

— Журналистам ни слова, ясно?

— Так точно. Не переживайте, уже выезжаю.

Валентина Редондо дала отбой и ненадолго задумалась. Обвела взглядом бунгало, где они жили с Оливером Гордоном, лужайку, сад, колониальный особняк с легким французским флером. С западной стороны территория виллы заканчивалась пологим склоном, на котором и стояло небольшое бревенчатое бунгало, а от него вниз, прямо к Ракушечному пляжу, уходила тропинка. Ближе к выезду располагались парковка и теннисный корт, а в самом центре роскошного сада — сама вилла “Марина”. Благодаря легкому налету небрежности сад производил обманчивое впечатление заброшенного, но на самом деле ради такого эффекта пришлось усердно потрудиться. Напротив сада, в самом центре лужайки, обустроили бассейн в форме огромной фасолины с прозрачной голубой водой, а за бассейном почти

незаметно, полуспрятавшись за склоном, стояла бревенчатая хижина, словно перенесенная сюда из канадского леса. С веранды хижины-бунгало открывался чудесный вид на море. Все это — и вилла “Марина”, и бунгало — принадлежало Оливеру, который предпочел поселиться в хижине, а в вилле “Марина” устроил небольшой отель для студентов, приезжающих в Суансес из Англии по обмену учить испанский.

Пляж и парк заливало мягкое утреннее солнце, луч коснулся лица Валентины, и взгляд ее, будто разбуженный солнцем, засиял. Правый глаз у нее был зеленый, почти прозрачный, и он сверкал особенно ярко. Левый же был черный, матовый, но очень живой.

Вновь поворачивая ключ зажигания, лейтенант Редондо уже предчувствовала, что едет навстречу мрачной загадке, спрятанной в старом дворце Кинта-дель-Амо.

Судья Хорхе Талавера с наслаждением зевнул. Утро выдалось прекрасное — чудный приморский городок Суансес, август в разгаре, а приходится работать. Да еще в такую рань. А ведь как хорошо было бы без спешки посидеть в ресторанчике на пирсе с женой и дочками, лакомиться кальмарами и свежими мидиями, а после... эх, после обеда подремать бы под пляжным зонтиком. Судья понимал, что с его основательным пузом и, главное, с его показателями холестерина надо бы все лето сидеть на салахах и из спортзала не вылезать, но от одной мысли об этом становилось тошно.

— Ну что, подтверждаем инфаркт? — спросил он у судмедэксперта Клары Мухики, она закончила осматривать труп и теперь стягивала перчатки.

— Пожалуй. Признаков насилия точно нет. Мы знаем точный возраст?

— Шестьдесят три.

— Ну что же, по возрасту подходит, но надо проверить его медкарту и дождаться вскрытия. Впрочем, цианоз лица и шеи может означать...

— Цианоз?

— Да, видишь, какого синюшного цвета шея и лицо? Для инфаркта это типичная картина, хотя такое бывает и при других патологиях, — объяснила Клара, поправляя каштановые волосы, тронутые сединой, которую она умело маскировала калифорнийским мелированием*.

— На чем остановимся?

— Давай не будем играть в угадайку. Вскрытие покажет. Одно могу сказать наверняка — глаза ему закрыли уже после смерти. Это точно. Но на первый взгляд никаких признаков насилия не вижу, все указывает на естественную смерть. Еще у него отек кистей с тыльной стороны, что говорит об острой сердечной недостаточности.

— Так это же хрестоматийный пример инфаркта.

— Возможно... Нет ли у него родственников, которых можно было бы расспросить о состоянии здоровья?

— Рано или поздно найдут кого-нибудь, но Маса мне говорил, что покойный — вдовец, бездетный, жил один в районе порта.

— Вот оно как, — вздохнула Клара.

Обычно судмедэксперт на вызовах не стеснялась отпустить шуточки, но со временем собственные жизненные перипетии научили ее проявлять деликатность в отношении тех, на чью долю выпало одиночество. Кларе стукнуло сорок девять, судья был ненамного старше, но выглядел на свой возраст, главным образом из-за пуза, — не то что стройная, миниатюрная, энергичная Клара.

— Выходит, мы приехали сюда из-за бедняги садовника, у которого отказало сердце, — в очередной раз вздохнул Талавера. — Хоть не придется особое расследование назначать, уже легче. Скажу Карусо, пусть закрывает дело.

— А вы разве не вызвали сюда Валентину?

* Модная технология щадящего окрашивания волос, при которой цвет плавно переходит от более темного оттенка у корней к более светлому на концах; пряди освещаются сразу в несколько оттенков по всей длине.

— Да, но мне сказали, что кто-то прикасался к трупу, а владелец дома якобы видел нечто странное — лишь по этой причине. Давай считать, что с формальностями мы разобрались, отметились тут, так сказать, к нам вопросов никаких. — Судья подмигнул Кларе и, восхищенно оглядев сад и сам дворец Кинта-дель-Амо, огромный, но элегантный, заметил: — Красивое место выбрал наш инфарктник.

— Да уж, великолепное, — согласилась судмедэксперт, тоже любуясь импозантным особняком.

Здание было выстроено в форме буквы П, в глубине которой располагался живописный дворик. Напротив обустроили смотровую площадку, где они в тот момент и находились. В центре дворика росла высоченная тропическая пальма, на фоне дворца в классическом английском стиле дерево это смотрелось несколько чужеродно. С восточной стороны возвышалась многоугольная башня в четыре этажа с остроконечной крышей. Кларе она напомнила Алькасар в Сеговии*. Вторая башня, западная, с такой же крышей, была круглой и несколько ниже. Ступенчатый фронтон придавал Кинте-дель-Амо вид романтический и в то же время несколько зловещий.

— Здание, кажется, не в очень хорошем состоянии, — заметила Клара. — Будто замок из старого черно-белого фильма ужасов, правда?

— Что-то есть, да. Того и гляди в башенном окне вдруг появится семейка Аддамс. Очень хорошо дополнили бы атмосферу.

— Да я бы умерла от страха, если бы заметила кого-нибудь в этих окнах.

— Seriously, Клара? Ты же дни напролет с трупами возишься. Не удивлюсь, если ты Франкенштейна создашь и на работу примешь...

— Ты, дорогуша, сам скоро к нам в Институт судебной медицины загремишь, если пару кило не сбросишь, — покачала головой Клара.

* Дворец и крепость испанских королей в исторической части города Сеговия (провинция Кастилия и Леон, Испания).

Настоящий профессионал, судья совершенно не заботился о своем здоровье. Клара и Хорхе Талавера дружили уже много лет, иногда семьями ужинали вместе, и Клара давно поняла, что ни ее советы, ни увещевания жены не способны заставить Талаверу следить за весом.

— Смотри, вот и Валентина подъехала, — сменила она тему, обернувшись.

Действительно, к ним уверенной походкой направлялась Валентина Редондо. Стройная, скупая на жесты, она шла по дорожке из хрустящего гравия, обсаженной голубыми гортензиями. Несколько берез и мексиканских платанов отбрасывали на землю тени, но по большей части территория перед особняком была открытой — исполинских размеров овальный газон. На этом-то газоне ранним утром перепуганная домработница и обнаружила тело садовника.

— Добрый день, — коротко поздоровалась Валентина, едва улыбнувшись, и бросила взгляд на бригаду криминалистов, которые суетились вокруг тела.

— Здравствуй, дорогая, как дела?

— Хорошо, Клара, спасибо. — С судмедэкспертом Валентина держалась по-свойски, судью же поприветствовала сдержанным кивком. Судья Талавера и лейтенант Редондо уважали друг друга, но особой близости между ними не установилось.

— А почему ты одна? — удивилась Клара.

— Ривейро с Сабаделем сейчас подъедут, — сказала Валентина. Это были сержант и младший лейтенант из ее следственной группы. — Я же в Суансесе сижу, так что мне тут ехать всего ничего.

Судмедэксперт улыбку убрала. Вот уже полгода, как Валентина поселилась в бревенчатом бунгало виллы “Марина”. Кларе нравился ее избранник, они с Оливером познакомились вскоре после того, как тот год назад переехал в Кантабрию.

— Вы тут уже закончили? — спросила Валентина.

— Почти. Дождемся судебного секретаря, и можно увозить тело.

Валентина кивнула и стала осматриваться. Особняк стоял на небольшом холме, и влево от него открывался великолепный

вид на Суансес — пожалуй, это была лучшая частная смотровая площадка в городе. Отсюда река Сан-Мартин просматривалась до самого Ракушечного пляжа, где она впадала в море.

Справа возвышался дворец Кинта-дель-Амо. Валентина заметила на здании несколько датчиков охранной сигнализации, но не увидела ни одной камеры видеонаблюдения. Ее взгляд переместился на огромный газон, где два криминалиста фотографировали труп.

— Карусо говорит, что, судя по всему, тут естественная смерть, — сказала она.

— Да, думаю, так и есть. Скорее всего, инфаркт. Но сама понимаешь, я ничего не могу утверждать, пока не получу результатов...

— Да-да, — перебила Валентина, глядя на тело. — Не страшно, подождем пару дней, а потом я завалю тебя вопросами. Когда именно наступила смерть? Часа два назад?

— Нет, — улыбнувшись, вздохнула Клара. Она привыкла, что Валентина, как и другие следователи, терпением не отличается. — Судя по температуре и общему состоянию тела, смерть наступила вчера вечером.

— Вот как? — Валентина удивленно приподняла брови. — Я думала, это случилось утром, когда он пришел на работу.

— Нет, умер он около полуночи.

— Интересно. Поздновато у него рабочий день закончился.

— Это как раз понятно, — вмешался Талавера. — Август, жара, так что работы в саду обычно ведутся либо рано утром, либо поздно вечером.

— Может, и так. — Валентина жестом дала понять, что считает довод судьи разумным. — Но мне тогда интересно, почему тело обнаружили только утром? Ладно, потом опросим владельца дома и обслуживающий персонал. Послушай, Клара, а что за история с закрытыми глазами?

— Ах да. На глазах пятна Лярше.

Брови Валентины снова поползли вверх, и судмедэксперт поняла, что требуется пояснение.

— Пятна Лярше. Если у трупа глаза открыты, то после смерти по мере обезвоживания во внешнем уголке глаза образуется

коричневое пятно. Часа через два-три после смерти это пятно превращается в треугольник, пересекающий глазное яблоко ровно по центру.

— Так... И у трупа эти пятна есть?

— Именно. Причем потемнение склеры очень выражено, так что глаза ему кто-то закрыл через несколько часов после смерти.

Валентина задумалась. Оставив судмедэксперта и судью, она подошла поближе к трупу, стараясь не ступить за натянутую криминалистами ленту, и за несколько секунд бегло осмотрела тело. Несмотря на начавшееся трупное окоченение, лицо мертвеца выглядело расслабленным. Небольшой лишний вес, мышечной массы мало, волосы седые, губы тонкие, подбородок массивный. Рядом валялись садовые инструменты, грязные — все в земле, траве и листьях. Валентина попыталась представить себе, как развивались события. “Чем ты был занят, Лео Диас? Убирал инвентарь, собирался домой? И тебя внезапно хватил инфаркт? Шел ты в том направлении, — она перевела взгляд на восточную башню, — иначе упал бы на другую сторону...”

— Лейтенант, Ривейро и Сабадель на месте.

Валентина обернулась. Это капрал Антонио Маса, агент гражданской гвардии из участка в Суансесе, отвлек ее от раздумий. Несмотря на серьезное выражение лица, Маса казался совсем юным — наверное, из-за буйной копны рыжих волос.

— Спасибо, Маса.

— Они сейчас подойдут, уже припарковались.

— Прекрасно. А где хозяин особняка?

— В доме. Я уже записал кое-что с его слов. Зовут Карлос Грин, писатель. Но я хотел дождаться вас, чтобы... — Капрал остановился на полуслове, потому что заметил хозяина дворца на террасе западного крыла, прямо под башенкой. — Смотрите, лейтенант, вот и он.

Валентина подняла голову и увидела молодого, спортивного телосложения мужчину. На лице двухдневная щетина, светлые волосы выгорели на солнце. Он ходил по террасе взад-вперед, разговаривая по телефону, движения грациозные, но общий

облик мужественный. Вдруг, словно почувствовав на себе взгляд Валентины, он остановился и посмотрел прямо на нее. Валентина не отвела взгляд, но лицо у мужчины внезапно выразило растерянность, будто он просил о помощи. Несмотря на молодость и внешнюю хрупкость, лейтенант одним своим видом внушала уважение.

Сзади кто-то присвистнул:

— Ну и домина! А с дороги казался поменьше. Офигеть.

Валентина вздохнула. Даже оборачиваться не надо, и так понятно, что прибыл младший лейтенант Сабадель. Кто еще каждые пять минут изрекает банальности, действуя на нервы?

— Доброе утро, Редондо! — раздался другой мужской голос.

Тут уж Валентина обернулась и тоже поздоровалась. Рядом с толстым коротышкой Сабаделем стоял сержант Ривейро. Хотя по рангу он был ниже всех присутствующих, благодаря высокому росту — за метр восемьдесят — и непоколебимому спокойствию Ривейро производил впечатление человека очень авторитетного. К тому же ему было под пятьдесят, а остальным за тридцать — Ривейро в отделе был старше всех.

Валентина ввела подчиненных в курс дела, рассказала, что уже успела выяснить. Перед тем как опросить хозяина, она решила уточнить еще кое-что.

— Маса, ты ведь местный?

— Да, лейтенант, я родился в Орунье, но мы переехали в Суансес, когда мне было пять лет.

— Про этот дворец что-нибудь знаешь?

— Знаю, что им раньше владела семья калифорнио, их фамилия дель Амо.

— Калифорнио?

— Так у нас называют испанцев, которые уже много поколений живут в Калифорнии.

— Все равно не понимаю. Они что же, из Калифорнии мотаются в Испанию ради крошечного Суансеса?

— Да мне толком мало что известно. Надо у моего деда спросить, он всю жизнь здесь провел. По-моему, кто-то из семьи дель Амо эмигрировал в Америку, женился там на женщине из

семьи калифорнии, сколотил состояние и вернулся... Как-то так. Потом годах этак в семидесятых наследники продали дворец другой семье, по фамилии Грин, тоже калифорнии. Те хотели проводить лето в Испании.

— Семья Грин, — повторила Валентина. — Ты с ними знаком?

— Не сказал бы, иногда видел старую сеньору, которая умерла в конце прошлого года. Но та редко выбиралась из особняка, она была в инвалидном кресле и проводила тут лето, практически не покидая территорию дворца. Говорили, что она целыми днями читает. Думаю, там у них, — Маса махнул рукой на дворец, — самая большая библиотека в Суансесе.

— Интересно. — Любопытство Валентины разгоралось все сильнее, ей не терпелось заглянуть во дворец. — А про него ты что-нибудь знаешь? — Она кивнула на Карлоса Грина.

— Почти ничего. Приехал в начале лета, вроде книгу пишет. Ходят слухи, что он дворец продавать собрался, но, может, это все старухи сплетничают.

— Понятно. А где домработница, которая обнаружила труп?

— Патрульные отвезли ее в городскую больницу, потому что у бедняжки случилась настоящая истерика. Скоро вернется, наверное.

— Куда она денется, — встрял Сабадель. — Сейчас ей скормят пару пилюль, и придет в норму.

Валентина закатила глаза, но сдержалась.

— Ее данные записали?

— Да, наши патрульные ее опросили, — кивнул Антонио Маса. — Но она, конечно, вся на нервах была.

— Разумеется. А остальной персонал?

— Насколько я знаю, больше в доме персонала нет.

— Правда? В таком огромном особняке?

— Во всяком случае, мы больше никого не видели. Но мы ведь и сами недавно тут, — виновато сказал Маса.

— Все в порядке. Но ты свяжись с патрульными, которые увезли ее в больницу, пусть доложат, как там домработница, а как только врачи разрешат, везут ее обратно. Впрочем, нет, пусть ее лучше доставят в участок Суансеса. Там и опросим.

Валентина жестом велела Сабаделю и Ривейро следовать за ней. Попрощалась с Масой, помахала судье и Кларе и решительно направилась ко входу в особняк.

Гравийная дорожка упиралась в широкую лестницу, которая каменным ковром сбегала от входа, словно приветствуя их в Кинте-дель-Амо.

Карлос Грин прекратил говорить по телефону. Ему предстояло рассказать этой решительной с виду женщине, что в старом ветшающем особняке хозяйничают призраки...